

Хуа Чжаошуй чувствовал, как его щеки онемели, его подташнивало, слезы текли без остановки, а его затылок с силой прижимали, заставляя глубже принимать.

Шэн Цзяньвэй дергал его за волосы, дыхание его было неровным:

— Так хорошо поешь, а рот не такой уж ловкий.

Хуа Чжаошуй чувствовал, что его вот-вот вырвет, но, к счастью, он ничего не ел вечером, и лишь продолжал давиться. У него даже не было сил мысленно ругать его, он лишь надеялся, что тот поскорее закончит.

После долгого времени молодой господин снова резко двинулся несколько раз, прежде чем позволить ему выплюнуть. Он хлопнул его по лицу, и все оказалось на его обнаженном животе.

Шэн Цзяньвэй выглядел гораздо более довольным, погладил его мокрые глаза и спросил:

— Неприятно?

Хуа Чжаошуй, услышав вопрос, сразу же заплакал, кивнув с обидой.

Молодой господин обнял его, погладил по голове. Хуа Чжаошуй уже начал думать, что тот собирается утешить его добрыми словами, как вдруг услышал:

— Это только начало, береги слезы.

Хуа Чжаошуй спал в объятиях молодого господина всю ночь, а утром обнаружил, что его губы опухли, нижняя губа была разбита, и на ней образовалась корочка. Было очевидно, что это не от падения.

Он умылся и пришел причесать молодого господина, его лицо было мрачным. Шэн Цзяньвэй, увидев его в зеркале, спросил:

— Почему такое выражение лица?

Хуа Чжаошуй посмотрел на него через зеркало, угрюмо ответил:

— Молодой господин, следы на лице можно скрыть, но мои губы в таком состоянии, я боюсь выходить, меня точно будут смеяться.

Шэн Цзяньвэй усмехнулся:

— Тогда оставайся в комнате, никуда не ходи.

Хуа Чжаошуй удивился, поправил ему головной убор и с радостью сказал:

— Молодой господин, вы серьезно?

— Да, Сюй Вэньцзу сказал, что привезли партию крабов, вечером можно будет любоваться луной и пить вино. Если ты не хочешь выходить, оставайся здесь.

Хуа Чжаошуй ахнул, увидев, что молодой господин собирается уходить, и спросил:

— Молодой господин, а мне достанется?

Шэн Цзяньвэй обернулся, ущипнул его за щеку и сказал:

— Если будешь следовать за господином, то достанется.

Хуа Чжаошуй долго думал, касаясь своих изуродованных губ, но в конце концов сдался перед соблазном крабов и, прикрываясь, вышел.

В этот день молодой господин ехал в одной карете с сыном клана Сюй, а он шел позади, опустив голову.

Как и ожидалось, он снова встретил Сяо Ба. Хуа Чжаошуй, помня урок, не осмеливался с ним разговаривать. Но Сяо Ба был слишком настойчив, сам подошел и начал расспрашивать:

— Тебя наказал господин Шэн, когда вернулся? Это я виноват, не стоило подстрекать тебя петь, у него и так скверный характер... Почему ты все время прикрываешь лицо? Господин тебя ударил?

Хуа Чжаошуй прикрыл половину лица рукавом, быстро покачал головой, посмотрел в сторону кареты и тихо сказал:

— Не разговаривай со мной, господин увидит и снова разозлится.

Сяо Ба был смущен, недовольно пробормотал:

— Даже разговаривать нельзя? Ваш господин слишком строгий.

Хуа Чжаошуй вздохнул, помахал рукой и снова тихо сказал:

— Когда наш господин злится, это действительно страшно — я больше не буду с тобой разговаривать, иначе снова попаду в беду.

Сяо Ба сказал:

— Ничего, ваш господин сейчас занят разговором с нашим господином, ему не до нас, не бойся так сильно. Что с тобой случилось? Тебя действительно ударили? Это серьезно?

Он потянулся, чтобы отодвинуть его рукав, и Хуа Чжаошуй, испугавшись, отпрянул назад, вынужденно сказав:

— Нет, вчера упал, ударился лицом, меня не били, не спрашивай.

Сяо Ба тут же принял выражение «я так и знал» и сказал:

— Не стесняйся, кто из слуг не получал от господина? Дай мне посмотреть, серьезно ли это, у меня есть лекарство, хорошее, шрамов не останется. Ты такой красивый, нельзя, чтобы остались шрамы.

Хуа Чжаошуй, измученный его настойчивостью, постоянно поглядывал на карету, боясь, что господин снова увидит, и ему не поздоровится. Вспомнив, как господин злится, Хуа Чжаошуй решил, что терять уже нечего, и убрал руку.

Сяо Ба перестал тянуться к нему, застыл, его взгляд прилип к губам Хуа Чжаошуй, и лишь через некоторое время он с трудом произнес:

— Это... удачно упал.

Хуа Чжаошуй, смущенный, снова прикрыл рот, его голос был приглушенным:

— Видишь, шрамов не будет...

Сяо Ба тоже был смущен, необычно долго молчал, прежде чем повернуться к нему:

— Я понимаю, ты ничего не можешь поделать, не волнуйся, я никому не расскажу.

Хуа Чжаошуй прикрыл рот рукой, показал на карету и больше не произнес ни слова.

Карета двигалась не слишком быстро, Хуа Чжаошуй не чувствовал большой усталости, но прошлой ночью он плохо спал, его напугали и измотали, и теперь он еле шел, почти отстав от всех. Сяо Ба тоже замедлил шаг, с беспокойством спросив:

— Тебе плохо? Хочешь отдохнуть?

Хуа Чжаошуй, в тумане, покачал головой и тут же выпалил:

— Все из-за господина, не дал спать ночью.

Сяо Ба открыл рот, возможно, что-то представил, смущенно почесал затылок и засмеялся:

— Да... да, точно.

Хуа Чжаошуй не знал, что он имел в виду, но Сяо Ба больше не заговаривал с ним, и он вздохнул с облегчением, больше не боясь, что господин увидит и найдет повод для наказания.

Но чем дальше они шли, тем больше Хуа Чжаошуй чувствовал, что его обманули. Вечером будут крабы, а сейчас еще даже не полдень! Зачем было тащить всех так рано? Он все больше злился, думая, что измучил его всю ночь, а теперь даже не дал поспать!

Наконец, дойдя до места, Хуа Чжаошуй поднял глаза и увидел — снова квартал красных фонарей. Это еще больше разозлило его, он подумал, что это вовсе не ради крабов, а просто господин ищет развлечений.

Немного поразмыслив, он смог немного прогнать сонливость, но, следуя за господином, он лишь слышал, как тот смеется и разговаривает, и снова начал засыпать.

Когда они вошли в отдельный кабинет, господин наконец обратил на него внимание, постучал по его голове сложенным веером и сказал:

— Почему ты выглядишь, как потерянная душа, совсем нет энергии.

Хуа Чжаошуй, в полусне, потер голову, с трудом сдерживая зевоту, и, собравшись, сказал:

— Прошлой ночью первую половину ночи я был привязан у кровати, вторую половину ночи я обслуживал господина, а сегодня рано встал. Господин, я изо всех сил стараюсь держать глаза открытыми.

Шэн Цзяньвэй рассмеялся, потянул его к себе, обнял за талию и усадил к себе на колени:

— Такой несчастный, хочешь поспать?

Хуа Чжаошуй, испугавшись его движения, вдруг вспомнил, что нужно посмотреть, есть ли вокруг люди — к счастью, их действительно было только двое.

Он обрадовался, но тут же понял, что что-то не так — господин пришел с Сюй Вэньцзу, как же их могло быть только двое!

Хуа Чжаошуй, уже испытав на себе его выходки, решил, что понял, что под холодной внешностью господина скрывается не совсем приличная натура, и медленно прижался к нему:

— Господин, это нехорошо.

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него, с усмешкой сказал:

— Солнце с запада встало? Ты отказываешься, когда предлагают поспать?

Хуа Чжаошуй моргнул:

— Господин, вы точно предлагаете мне поспать? А не обслуживать вас во сне?

Шэн Цзяньвэй снова постучал его по голове:

— О чем ты думаешь? За одну ночь ты сильно вырос.

Хуа Чжаошуй долго не мог поверить, что в словах господина действительно не было скрытого смысла, и покраснел, пробормотав:

— Конечно, я хочу поспать, но здесь это не очень подходящее место, другие увидят и начнут сплетничать.

Шэн Цзяньвэй показал рукой за ширму, где стояла низкая кровать:

— Ты можешь поспать здесь, когда я закончу дела, позову тебя.

Но Хуа Чжаошуй не выглядел так радостно, как ожидал Шэн Цзяньвэй, напротив, его лицо стало серьезным, и он неожиданно спросил:

— Господин, это в публичном доме?

Шэн Цзяньвэй поднял бровь:

— Да. Что? Боишься, что господин пойдет развлекаться?

Хуа Чжаошуй снова ушел в свои мысли, вспомнив, как господин вчера сказал, что его рот не очень ловкий, его лицо стало еще более серьезным, и он осторожно спросил:

— Господин, я вчера плохо обслужил вас?

Неправильно выставил таймер...